

* * *

Слышали новость? В четверг с утра
небо держало большой совет,
и председатель сказал: «Пора
что-то менять. Среди всех планет –
только у нас за войной война,
только у нас без вины – на крест,
каждой ошибке – своя цена:
в петлю, в монахи и под арест.
В вихре крестин-похорон-женитьб
люди забыли о нас совсем.
Хватит их раем уже дразнить,
адам пугать, как детей, зачем?
Пусть их – живут и живут себе,
новых рожают, спешат стареть.
Если свободу вручил толпе,
нет больше смысла брать в руки плеть.
Хочешь им счастья – так сразу дай
ключик к мечте, покажи маршрут.
Разве им будет твой нужен рай?
Слушай, оставь их, пускай живут».
Только в ответ усмехнулся Бог:
«Воля дана, чтобы встать с колен,
Выбрать свою среди ста дорог.
Если кто верует – тот блажен.
Как-то я, знаешь, устал от слуг –
скучен церковный парад-алле.
Люди вернуться ко мне, мой друг,
пусть поблуждают пока во мгле».
«Что в протокол записать, Господь?
Мне документ отправлять в Синод,
Сразу бы копию подколоть».
Ангел склонился, строчит в блокнот:

«Жизнь испытает огнём и льдом,
звёзды мерцают в конце пути.
Там тебя ждёт настоящий дом.

Верь. И ты сможешь его найти».

* * *

Из чего мы сделаны, мой ангел,
из чего за краем сшили нас?

107

Слеп закройщик, крепко держит штангель,
измеряя длины наших трасс.
В заготовку высыпает случай,
ложку зла, щепотку сладкой лжи,
потрясёт и лепит из шипучей смеси
чью-то новенькую жизнь.
Из чего мы сделаны?

Из боли, из любимой музыки и книг, из того,
чему не учат в школе, – сам наощупь ищет
выпускник доказательств с мукой пережитых
новых аксиом и теорем,
по-щелячьи ласковых открыток, сдуру
адресованных не тем, маминых улыбок
и укоров, слёз и смеха будущих детей, пьяных
задушевных разговоров, плановой замены
запчастей у хирурга под закат дороги.

Из последних фото на портрет,
Из креста, поставленного в ноги,
Из пути назад в небесный свет.

Истина всегда многоэтажна,
но она мне кажется простой –

Из чего мы сделаны?
Неважно.

Важно – что оставим за чертой.

* * *

семьи бывают счастливыми, крепкими
или на ласку совсем небогатыми.
всё, что в осколки, – прихватим прищепками:
метрами площади, общими датами.

кровными узами крепко повязаны,
намертво сшиты мы клятвами брачными,
сплетнями, шёпотом, криком, рассказами,
смехом, слезами, чужими удачами.

грузом вины неоправданных чаений
давят семейные мерки на ближнего,
вышел за рамки – свои нескончаемо
пилят: «давай ампутируем лишнее».

если обидят тебя неумышленно,
думаешь: Боже, куда ненормальнее –
строже судили свои, а не пришлые.
близкие ранили хуже, чем дальние.

дёргали больно за тонкие струночки,
вросшие вглубь, в беззащитное самое.
вот и таим в разговорах полуночных
суть сокровенную, прячем под шрамами.

как франкенштейны, из планов родителей
скроены наспех. лекала утрачены,
но на подкорке шаблон убедительно
голосом мамы диктует задачи нам.
кто одинок – обделённые, бедные,
жить без родни – это всё от нечистого.
ссоримся насмерть, стоим до победного,
после мириться бросаемся истоиво.

копим под сердцем, храним, как жемчужины,
старших советы, на землю нас сбившие.
семьи бывают плохими, недружными,

но
никогда
не становятся
бывшими.

* * *

город улицы вьёт ручейками под старыми
крышами,
я дворами иду – не была здесь чертовски давно.
город соткан из слов, мне не сказанных
близкими бывшими,
из билетов на море, совместных походов
в кино,
из признаний ошибочных или ошибок
непризнанных,
из забытых картинок счастливых
студенческих лет.
мне из окон домов снова машут любимые
призраки,
не зовут заглянуть, просто дразнят:
«тебя больше нет».
и пакетом играет ветер, бросает
под ноги мне,
мерный шаг мой сбивает большой
целлофановый кот.
слишком часто мы были к другим
неоправданно строгими,
мы жалеем теперь, но к закату и это пройдёт.
я в маршрутах запуталась, индексы стёрлись
нечаянно,
номера телефонные время из мыслей крадёт,
разрываются связи, что были так
тщательно спаяны,
я считаю потери и вижу, как страшен
подсчёт.

105

* * *

на рогах качает месяц ошалевшую звезду,
если город станет тесен, подмигни –
и я приду.
лес зовёт и манит песней страшных грёз
и пряных трав,
майских снов полынной взвесью оболгаев,
обняв, украв,
хмарью-гарью, навью-явью, марой-морокон
дразня.
босиком по разнотравью – догони давай меня.
на ветвях русалки сушат утонувший небосвод,
повели чужого мужа в бесконечный хоровод.
леший путает и кружит, пьяно топчет
мягкий мох.
мглу лесную пьёт из лужи древний козлоногий
бог.
хмелем, дымом, сладкой лаской заведу тебя
во мрак,
полуночной взрослой сказкой – сделай мне
навстречу шаг.

...ты очнёшься рано утром, злой, продрогший,
сам не свой,
под небесным перламутром, пенной снежной
бахромой.
спотыкаясь-чертыхаясь ищешь путь к себе
домой,
звон серебряный трамваев в голове дрожит
больной.
и до вечера похмельно вспоминаешь,
как в бреду.

звёзды город колыбельным нежным сумраком
скрадут.
тополя макнёт в чернила ночь, ведёт
по небесам.

было?
не было?
приснилось?
я смеюсь – гадай-ка сам.

* * *

дом стоит на перекрёстке.
окна строго смотрят в мир.
стены – снежная известка,
ставни – глянцевоый сапфир.
горд строитель, маме скажет:
«ладно вышел, на века,
славно сбит, с душой покрашен,
виден свет издалека».
и несёт через порожек молодую он жену,
суеверно осторожен – поднимает не одну.

дом стоит.
а день к закату – двадцать первое, июнь.
лёг мальчишкой – встал солдатом.
«ты придёшь?» – с улыбкой: «сплунь!»

дом стоит,
и окна плачут фронтовым святым дождём,
обману судьбу-удачу – мы-его-совсем-не-ждём.
не обманешь и не скроешь – и в руке листок
дрожит.

«извещаем...», «в ходе боя...» –
губы в кровь: «не веееееерю... жиииииив!»

дом стоит,
играют дети, воробьи голодных лет.
так же крепко, так же светел,
только старших больше нет.

заковали всё асфальтом, по нему летят года.
время – вскачь, в лихое сальто приделались
города,
ощетинились застройкой, шеи скверов –
в небеса.
новой шкурой сейсмостойкой обросли
по полюсам,
чешуей из тонкой стали, лживой пылью
из газет,

прячут плечи магистралей
в тусклый дым, фонарный свет.

дом стоит –
слепой свидетель смены мечт, эпох, властей.
о другом смеются дети, да и нет почти
детей.

дом стоит.
сирены воют – завтра новая война.
гонят юных под конвоем заработать ордена.
с неба пепел – словно блёстки,
в прах сложились этажи.

дом стоит на перекрёстке, а вокруг нет
ни души.

